УДК 321.7 DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-1-274-279

КОНТУРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КАРТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ал Саррай Ясир Али Хаддад аспирант, Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета (344065, Россия, г. Ростов-на-Дону, Днепровский пер., 116). E-mail: yasiralihaddad@yandex.ru

Аннотация

В классической политической науке и теории демократии мейнстримом является противопоставление персоналистского и институционального факторов политических преобразований. При этом обнаруживается обратная зависимость между этими факторами: персонализация политических режимов, как правило, происходит при недостаточной укоренённости демократических институтов и имеет следствием дальнейшее размывание всей институциональной системы. Однако, как показывает автор, вполне возможен и обратный процесс, когда сильный политический лидер проводит институциональные реформы, закрепляя сложившиеся демократические практики. Под этим углом зрения в статье проводится анализ предложенных в январе 2020 г. Президентом РФ инициатив по внесению поправок в Конституцию РФ. Вывод, к которому приходит автор, состоит в том, что указанные поправки могут стать институциональной базой для проведения дальнейших демократических преобразований в России.

Ключевые слова: *демократия, транзит, политическая стабильность, реформа, институт, институциональный дизайн, институциональная среда, Конституция РФ, Президент РФ, поправки в Конституцию РФ.*

«Преобразованием без карты» назвали процесс политической и социально-экономической модернизации России 90-х гг. XX в. профессор Гарвардского университета Андрей Шлейфер и профессор политических наук Калифорнийского Университета в Лос-Анжелесе Дэниэл Трейсман [1, pp. 175–184]. Полагая, что «реформа всегда является сложным и опасным процессом, осуществляемым неправильными людьми в неправильных условиях» [1, p. 179], авторы справедливо считают демократический транзит одним из самых рискованных институциональных мероприятий во всём комплексе проводимых реформ. И одной из самых сложных проблем в данном аспекте всегда было появление команды достаточно решительных профессионалов, способных удержать власть на всё время проведения реформ.

Поэтому долгое время в политической науке вполне приемлемой считалась ситуация, при которой просвещённый абсолютизм проводит либерализацию политической системы не под давлением общества или технологических сдвигов, а в силу собственной «просвещённости». Например, один из «столпов либерализма» Дж.Ст. Милль вполне признавал необходимость просвещённого абсолютизма «чтобы двинуть дело цивилизации» в условиях неготовности народа к представительному правлению [2, с. 68]. О невозможности прямого перехода от тоталитаризма к демократии, минуя «просвещённый» авторитаризм говорили и многие политологи конца 80-х – начала 90-х гг. [см., например: 3]. Тем не менее, сегодня мы знаем, что всё обстоит гораздо сложнее. Одной из ключевых проблем для авторитарной или псевдоавторитарной политической власти в условиях демократического транзита является заложенный в самый фундамент демократии принцип неопределённости [см., например: 4, с. 66–77]. Сколь бы просвещённой ни была авторитарная власть, одним из самых сложных для неё испытаний всегда становится сам момент пореформенного перехода к демократии как системе «организованной неуверенности» [5, p. 162; 4, с. 66].

То есть, авторитарный правитель, «железной рукой» [3] подготовивший все необходимые реформы и, как следствие, приведший страну к демократии, рано или поздно вынужден «отпускать» политический процесс «на самотёк», полагаясь на предварительно созданные им институциональные механизмы. Которые с немалой долей вероятности (как показывает опыт политических преобразований в странах Восточной Европы [4]) приведут к смене власти и, соответственно, к утрате контроля над процессом дальнейшего реформирования страны. Поэтому стремление автократа каким-то образом встроить себя в пореформенную систему политических институтов с целью сохранения контроля над политическим процессом совсем не обязательно объяснять эгоистическими мотивами и страхом возможных преследований со стороны оппозиции, как это было с Пиночетом в Чили. Нельзя исключать и мотивацию одного из создателей сингапурского «экономического чуда» Ли Куан Ю, практически до самой смерти сохранявшего свои позиции в правительстве с целью поддержки и укоренения проведённых реформ.

Совершенно очевидно, что современная Россия оказалась сегодня в похожей ситуации развилки между стремлением власти сохранить стабильность и растущим в обществе запросом на политические перемены в сторону большей демократизации[1]. Это хорошо понимает и власть, о чём, в частности, говорят симптоматичные публикации в проправительственной «Российской газете»[2]. Поэтому считать «неожиданным» недавний демарш Президента России могут только очень уж наивные наблюдатели. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 15 января 2020 г. В.В. Путин предложил целый ряд поправок в Конституцию РФ[3]. Эти предложения вызвали бурную реакцию в российском обществе. Заговорили даже о конституционном перевороте и попытке захвата и удержания власти[4], что в соответствии с законодательством РФ является тяжким уголовным преступлением.

Однако при оценке любой реформы следует учитывать, с одной стороны то, что общество теряет и, с другой стороны, то, что оно приобретает в результате этой реформы. В этом плане многие из критиков предложенных В.В. Путиным поправок согласны в том, что действующая Конституция РФ далека от совершенства и нуждается в коррекции. Многие из её положений так и остались декларативными, а часть даже деградировала за последние два десятилетия. Конституция РФ 1993 г. не зря получила название «ельцинской»: она принималась в условиях победы авторитарного президента над деморализованным парламентом. И закрепила эту победу в виде существенного перекоса в распределении властных полномочий в сторону президентской власти. Ключевые политические институты российского институционального дизайна, такие как Федеральное Собрание, Верховный, Конституционный и проч. высшие суды, Правительство РФ оказались фактически обречены на деградацию в случае избрания президентом достаточно сильного волевого человека, обладающего существенной поддержкой в обществе. Именно это и произошло в 2000-х гг.

В этом смысле нельзя не признать лаконичную правоту Дж.Ст. Милля: «Устойчивость представительных учреждений зависит от готовности народа бороться за них в случае, если им будет угрожать опасность» [2, с. 66]. Получив в 2000-х гг. беспрецедентный для всей российской истории рост материального благополучия, с одной стороны, и «хватив демократии через край в 90-х гг.», с другой, российское общество демонстрировало полное равнодушие к деградации демократических институтов и постепенной концентрации власти в руках президента. Это сделало необходимым и неизбежным формирование персоналистского режима в России конца 90-х – начала 2000-х гг. Однако это является и вполне закономерным.

В современной политической науке общим местом стало представление о том, что в трансформирующихся политических режимах резко возрастает роль персоналистского фактора, что в свою очередь, имеет следствием воспроизводство недемократического характера режима, когда один тип диктатуры сменяется другим, но никак не демократией [см., например: 6; 7; 8; 9; 10; 11 и др.]. В классической политологии хорошо изучены и причины этого «круговорота диктатур», или «ловушки трансформации»: недостаточное развитие политических институтов актуализирует персоналистский фактор, а усиление последнего приводит к дальнейшему размыванию политических институтов. Так, становление авторитарных политических режимов в межвоенной Европе (Италии, Германии, Франции и т. д.) обычно связывается с недостаточной укоренённостью демократических

---

[1] См., например: Мухаметшина Е. Почти 60 % россиян выступают за решительные перемены в стране // Ведомости. 05 ноября 2019 г. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/11/05/815494-pochti-60-rossiyan (дата обращения: 20.01.2020); Галанина А. В России растет спрос на гражданские права // Газета «Коммерсантъ». № 213 от 20.11.2019 г. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4164259?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 20.01.2020); Права человека // АНО «Левада-Центр». 20.11.2019 г. URL: https://www.levada.ru/2019/11/20/prava-cheloveka/ (дата обращения: 20.01.2020).

[2] См., например: Выжутович В. Запрос на перемены // Российская газета. № 145(7903). 04.07.2019 г. URL: https://rg.ru/2019/07/04/vyzhutovich-rossiiane-hotiat-peremen-no-ponimaiut-chto-nuzhna-stabilnost.html (дата обращения: 20.01.2020).

[3] См.: Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. 15 января 2020 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения: 20.01.2020).

[4] См., например: Лукьянова Е. Запись от 15 января в 14:42 // Фейсбук Елены Лукьяновой. 15 января 2020 г. URL: https://www.facebook.com/pravoslovo/posts/2726623287451903 (дата обращения: 20.01.2020); Путин хочет радикально и очень быстро переписать Конституцию – это конституционный переворот? // Meduza. 16 января 2020 г. URL: https://meduza.io/feature/2020/01/16/putin-hochet-radikalno-i-ochen-bystro-perepisat-konstitutsiyu-eto-mozhno-nazvat-konstitutsionnym-perevorotom (дата обращения: 20.01.2020); Коржова Д. Январский переворот. Хронология 15 января 2020 года // Ведомости. 15 января 2020 г. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/01/15/820678-perevorot (дата обращения: 20.01.2020).

политических институтов либо с их разрушением в результате социально-экономического кризиса [см., например: 12; 13; 14; 15 и др.].

И действительно, противопоставление персоналистского и институционального факторов имеет определённую логику, если понимать институт как деперсонализированное «правило игры» в обществе [см.: 16, с. 17]. В то же время, в современной неоинституциональной дистрибутивной теории институтов поставлена проблема «институциональной амбивалентности»: изначальной мотивацией при создании институтов является не пресловутая коллективная польза, а борьба за власть и распределение ресурсов [см.: 17, p. 38–42]. Из этого следует, что нестабильная институциональная среда резко актуализирует личностные качества институциональных дизайнеров, которые, в свою очередь, проявляют институциональную креативность. На этот момент обращал внимание уже С. Хантингтон [см., например: 6]. Поэтому попытка подготовить будущие политические преобразования посредством закрепления некоего институционализированного комплекса правил политической игры приводит к большей «автоматизации», «техничности» политического процесса, делая его всё более независимым от личностных качеств игроков и, соответственно, более стабильным.

Если посмотреть на предложенные В.В. Путиным поправки в Конституцию РФ под этим углом зрения, то можно предположить, что за инициативой Президента РФ вполне могут стоять не эгоистические мотивы удержания власти, а стремление после 2024 г. обеспечить плавный переход страны в институциональное поле политических реформ при сохранении стабильности всей системы в целом. Поэтому прежде чем делать скоропалительные выводы, необходимо разобраться в сути предлагаемых изменений.

20 января 2020 г. В.В. Путин оформил свои предложения в виде законопроекта, который был внесён на рассмотрение в Государственную Думу РФ[1]. На данный момент список поправок включает следующие[2]:

- закрепление в Конституции РФ обязательной индексации социальных пособий и иных социальных выплат, а также минимального размера оплаты труда, приравненного к прожиточному минимуму;
- ограничение приоритета международного права;
- повышение ценза оседлости для кандидатов в Президенты РФ с 10 до 25 лет;
- ограничение права занимать должность президента одним человеком двумя сроками;
- изменение процедуры назначения правительства РФ в пользу повышения роли парламента, который будет утверждать главу правительства, его заместителей и министров;
- изменение процедуры назначения руководителей силовых ведомств с передачей права их назначения президенту (после консультаций с Советом Федерации);
- придание конституционного статуса Государственному совету, деятельность которого конкретизируется соответствующим Федеральным законом;
- предоставление Совету Федерации права отрешать от должности судей Конституционного и Верховного судов;
- предоставление Конституционному суду права проверять конституционность федеральных законов до их подписания главой государства;
- запрет иностранного гражданства и вида на жительство за рубежом для президента, судей, глав субъектов федерации, депутатов и сенаторов, премьер-министра и министров.
- сокращение числа судей Конституционного суда с 19 до 11;
- право президента отправлять в отставку премьер-министра, с возможностью сохранения правительства в целом;
- включение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти;
- некоторые механизмы для предотвращения затягивания назначения парламентом нового правительства и принятия новых законов.

Если посмотреть внимательно на предлагаемые поправки, то некоторые из них (закрепление индексации пособий, а также минимального размера оплаты труда), возможно, выглядят избыточными для Основного закона, но вполне популистски притягательными, что может легитимировать

[1] См.: В Госдуме рассказали об изменениях в Конституции // РИА Новости. 20 января 2020 г. URL: https://ria.ru/20200120/1563650288.html (дата обращения: 20.01.2020); Путин внес проект поправок в Конституцию России в Госдуму // Известия. 20 января 2020 г. URL: https://iz.ru/966420/2020-01-20/putin-vnes-proekt-popravok-v-konstitutciiu-rossii-v-gosdumu (дата обращения: 20.01.2020).

[2] См.: Президент Российской Федерации. Законопроект № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» // СОЗД ГАС «Законотворчество». 20 января 2020 г. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7 (дата обращения: 20.01.2020).

в глазах населения проводимую реформу в целом. Часть поправок носит технический характер и не затрагивают духа Конституции РФ. Наибольший общественный резонанс вызвали несколько поправок, потенциально усиливающих власть Президента РФ (назначение силовых министров, а также фактическое лишение независимости высших судов), придание статуса конституционного органа Государственному совету, а также включение муниципальных органов власти в одну с государственными органами систему публичной власти. Однако при ближайшем рассмотрении опасения критиков проводимой реформы выглядят преувеличенными и надуманными.

Так, если детально проанализировать проблему усиливаемой предлагаемыми поправками централизации и вертикали власти, то здесь необходимо иметь в виду, что требование децентрализации отнюдь не является самоочевидным и, с точки зрения современной институциональной теории, нуждается в дополнительном обосновании [18, pp. 51–89]. Это особенно актуально на время проведения институциональных преобразований, когда обеспечение стабильности требует использования, а не поспешного разрушения наличных институциональных механизмов [6; 19]. Децентрализация может быть результатом, но не средством проведения реформ. А результат гарантирован уже прописанными в Конституции РФ статьями 1 и 12, отменить которые невозможно (без проведения всенародного референдума), да и никто не собирался. А временно централизовать власть для проведения реформ вполне оправданно.

Обсуждать ограничение приоритета международного права над национальным законодательством вообще не имеет смысла, поскольку фактически ничего не меняет в сути дела: Россия и ранее выполняла только те международные обязательства, под которыми поставила свою подпись. Никакого абстрактного «международного права» не существует. Есть система конкретных договоров и конвенций, часть из которых Россия взяла на себя обязательства соблюдать, а оставшиеся соблюдать никогда и не собиралась. И в данном аспекте ничего не меняется: статью 15 Конституции РФ никто не отменяет, но соблюдать Россия будет только те обязательства, которые на себя взяла.

При этом поправками запланировано некоторое перераспределение властных полномочий между Федеральным Собранием, Государственным советом и Президентом РФ. С этой точки зрения намечен тренд в пользу принципа «полиархии» [20], который свидетельствует о большей демократизации при сохранении управляемости системы в целом. Так, именно парламент утверждает главу правительства, его заместителей и министров; Совет Федерации приобрёл право отрешать от должности судей Конституционного и Верховного судов; в то же время Конституционный суд получает право проверять конституционность федеральных законов до их подписания Президентом РФ. То есть, с одной стороны, получают формальное закрепление те неформальные институты, которые существуют де-факто (Государственный совет, практики «консультаций» с администрацией Президента по самым разным вопросам, вплоть до законодательных и т. д.), но с другой стороны власть действительно всё более локализуется в нескольких ключевых государственных институтах, обеспечивать эффективное взаимодействие которых теперь призван Государственный совет.

Единственная настораживающая неясность, которая остаётся в отношении перечисленных поправок, это конкретные функции Государственного совета, принципы деятельности которого определяются соответствующим федеральным законом. Что будет прописано в данном законе, на сегодняшний день можно только гадать. Однако федеральный закон – не конституция, которую изменить достаточно трудно. Любые ошибки и недоработки федерального закона вполне подвержены коррекции. В целом же вырисовываются контуры вполне эффективной и достаточно демократичной системы, которая может стать основой для дальнейших политических преобразований России.

Наконец, последнее соображение. Как показал многомерный статистический анализ 29 посткоммунистических стран, проведённый А.Ю. Мельвилем и Д.К. Стукалом [21], при сложившихся благоприятных структурных предпосылках, действия политических акторов в решающих ситуациях определяют направленность и характер политических трансформаций. При этом, как показано в исследовании 201 кейса демократизации в мировой истории с 1820 по 2015 гг., проведённом Дэниэлом Трейсманом[1], личные мотивы и цели инициаторов этих процессов совершенно не имеют значения: более двух третей (64–67 %) случаев демократизации объясняются ошибками авторитарных элит, нажимающих на спусковой крючок реформ с целью укрепления собственной власти, но получающих прямо противоположный результат. Созданная ими в соответствии с дистрибутивной

[1] См.: Treisman D. Democracy by Mistake // National Bureau of Economic Research. October 2017. URL: http://www.nber.org/papers/w23944 (дата обращения: 20.01.2020).

логикой [17, p. 38–42] институциональная среда становится хорошей базой для последующих политических преобразований.

Таким образом, предложенные Президентом России поправки в Конституцию РФ следует считать скорее контурной институциональной картой политических преобразований, которой так недоставало в 90-х гг. [1, pp. 205–216]. Независимо от того, входило ли это в первоначальные планы В.В. Путина, или нет, но предложенные им поправки в Конституцию РФ можно трактовать не как укрепление авторитарного персоналистского режима, но, напротив, как контурную институционализацию будущих политических преобразований, призванных минимизировать зависимость от персональных качеств президента страны.

Литература

1. *Shleifer A., Treisman D.* Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. Cambridge, London: The MIT Press, 2000. ix+223 p.
2. *Милль Дж.Ст.* Рассуждения о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2006. 384 с.
3. *Клямкин И.М., Мигранян А.М.* Нужна «железная рука»? // Литературная газета. 1989. 16 августа. № 34. С. 14.
4. *Пшеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 320 с.
5. *Treisman D.S.* After the Deuluge. Regional Crises and Political Consolidation in Russia. Ann Arbor: The Universitet of Michigan Press, 1999. 264 p.
6. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. Москва: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
7. *Линц Х., Степан А.* «Государственность», национализм и демократизация // Полис. Политические исследования. 1997. № 5. С. 9 – 30.
8. *Geddes B.* What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // Annual Review of Political Science. 1999. No. 2. Pp. 115 – 144.
9. *Geddes B., Wright J., Frantz E.* Autocratic Regimes and Transitions: A New Data Set // Perspectives on Politics. 2014. Vol. 12. No. 2. Pp. 313 – 331.
10. *Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // Comparative Political Studies. 2007. Vol. 40. No. 11. Pp. 1279 – 1301.
11. *Поцелуев С.П., Константинов М.С., Лукичев П.Н. и др.* Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодёжи Ростовской области. Ростов н/Д.: Издательство ЮНЦ РАН, 2016. 396 с.
12. *Belkin A., Schofer E.* Toward a Structural Understanding of Coup Risk // Journal of Conflict Resolution. 2003. Vol. 47. No. 5. Pp. 594 – 620.
13. *Кудряшова И.В.* Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. 2016. № 1. С. 15 – 33.
14. *Харитонова О.Г.* Этнические войны и постконфликтная демократия // Политическая наука. 2016. № 1. С. 34 – 59.
15. *Gates S., Hegre H., Jones M.P., Strand H.* Institutional Inconsistency and Political Instability: Polity Duration, 1800–2000 // American Journal of Political Science. 2006. Vol. 50. No. 4. Pp. 893 – 908.
16. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: НАЧАЛА, 1997. 180 с.
17. *Knight J.* Institutions and Social Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 324 p.
18. *Khight J., Johnson J.* The Priority of Democracy: Political Consequences of Pragmatism. New York: Princeton University Press, 2011. 326 p.
19. *Lukichev P.N., Potseluev S.P., Konstantinov M.S.* Language, Religion And Civic Identity // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. Vol. LVIII. Pp. 514 – 528.
20. *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
21. *Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К.* Условия демократии и пределы демократизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 164 – 183.

Al Sarrail Yasir Ali Haddad, graduate student of Department of Theoretical and Applied Political Science at the Institute of Philosophy and Social & Political Sciences, Southern Federal University (Russia) (116, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065, Russian Federation). E-mail: yasiralihaddad@yandex.ru

THE INSTITUTIONAL CONTOURS OF THE POLITICAL TRANSFORMATION IN MODERN RUSSIA

Abstract

In classical political science and theory of democracy the opposition of personalistic and institutional factors of the political transformation is seen as mainstream. It reveals an inverse relationship between these practices: the personalization of political regimes tends to develop in case of the lack of democratic institutions which results in a further erosion of the entire institutional system. However, as the author shows, it is also possible to establish a process in which a strong political leader carries out institutional reforms, consolidating established democratic practices. From this point of view, the article provides the analysis of the initiatives proposed in January 2020 by the President of the Russian Federation to amend the Constitution of the Russian Federation. The conclusion reached by the author is that these amendments can create an institutional basis for further democratic changes in Russia.

Keywords: *democracy, transit, political stability, reform, institution, institutional design, institutional environment, Constitution of the Russian Federation, President of the Russian Federation, amendments to the Constitution of the Russian Federation.*

References

1. Shleifer A., Treisman D. Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. Cambridge, London: The MIT Press, 2000. ix+223 p.
2. Mill' Dzh.St. Rassuzhdeniya o predstavitel'nom pravlenii. CHelyabinsk: Socium, 2006. 384 p.
3. Klyamkin I.M., Migranyan A.M. Nuzhna «zheleznaya ruka»? // Literaturnaya gazeta. 1989. 16 avgusta. № 34. P. 14.
4. Pshevorskij A. Demokratiya i rynok. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoj Evrope i Latinskoj Amerike. Moskva: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2000. 320 p.
5. Treisman D.S. After the Deuluge. Regional Crises and Political Consolidation in Russia. Ann Arbor: The Universitet of Michigan Press, 1999. 264 p.
6. Hantington S. Politicheskij poryadok v menyayushchihsya obshchestvah. Moskva: Progress-Tradiciya, 2004. 480 p.
7. Linc H., Stepan A. «Gosudarstvennost'», nacionalizm i demokratizaciya // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1997. № 5. P. 9 – 30.
8. Geddes B. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // Annual Review of Political Science. 1999. No. 2. Pp. 115 – 144.
9. Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic Regimes and Transitions: A New Data Set // Perspectives on Politics. 2014. Vol. 12. No. 2. Pp. 313 – 331.
10. Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // Comparative Political Studies. 2007. Vol. 40. No. 11. Pp. 1279 – 1301.
11. Poceluev S.P., Konstantinov M.S., Lukichev P.N. i dr. Igry na ideologicheskoj periferii. Pravo-radikal'nye ustanovki studencheskoj molodyozhi Rostovskoj oblasti. Rostov n/D.: Izdatel'stvo YUNC RAN, 2016. 396 p.
12. Belkin A., Schofer E. Toward a Structural Understanding of Coup Risk // Journal of Conflict Resolution. 2003. Vol. 47. No. 5. Pp. 594 – 620.
13. Kudryashova I.V. Kak obustroit' razdelennye obshchestva // Politicheskaya nauka. 2016. № 1. P. 15 – 33.
14. Haritonova O.G. Etnicheskie vojny i postkonfliktnaya demokratiya // Politicheskaya nauka. 2016. № 1. P. 34 – 59.
15. Gates S., Hegre H., Jones M.P., Strand H. Institutional Inconsistency and Political Instability: Polity Duration, 1800–2000 // American Journal of Political Science. 2006. Vol. 50. No. 4. Pp. 893 – 908.
16. Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki. M.: NACHALA, 1997. 180 p.
17. Knight J. Institutions and Social Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 324 p.
18. Khight J., Johnson J. The Priority of Democracy: Political Consequences of Pragmatism. New York: Princeton University Press, 2011. 326 p.
19. Lukichev P.N., Potseluev S.P., Konstantinov M.S. Language, Religion And Civic Identity // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. Vol. LVIII. Pp. 514 – 528.
20. Dal' R. Poliarhiya: uchastie i oppoziciya. M.: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshej shkoly ekonomiki, 2010. 288 p.
21. Mel'vil' A.YU., Stukal D.K. Usloviya demokratii i predely demokratizacii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2011. № 3. P. 164 – 183.